

Михаил Задорнов
Валентин и Юлия Гнатюк

СВЯТОСЛАВ

ВОЗМУЖАНИЕ



Издательство АСТ
Москва

От авторов

Дорогой читатель!

Перед тобой открываются страницы романа-трилогии «Святослав. Возмужание», «Святослав. Хазария», «Святослав. Болгария» о прославленном многими победами князе средневековой Руси Святославе Игоревиче.

Получилось так, что данная трилогия была написана раньше, чем романы о его отце Игоре, деде Рароге-Рюрике и Олеге Вещем. Именно этот энергетически концентрированный образ Святослава Хороброго призвал извлечь из глубин исторической памяти его великих предков.

Прежде чем писать данную книгу, мы прошли стопами Святослава по гостеприимной и прекрасной болгарской земле, посетили заветные места, побеседовали с хранителями памяти — историками и учёными. Следует сказать, что Болгария помнит Святослава, и мы получили некоторые важные сведения о его пребывании в Великой Преславе. На основании реального святилища бога Загряя произведена реконструкция священного обряда.

Конечно, мы опирались на труды древних и современных летописцев: Геродота, Страбона, Плиния Старшего, свидетельства императора Константина VII Багрянородного и византийского хрониста Льва Диакона, хроники Иоанна Скилицы, записи арабского путешественника Ибн-Хаукаля и арабского историка Яхьи Антиохийского, на ПВЛ (сохранившую тексты византийско-русских договоров), труды Б.А. Рыбакова, замечательную работу А. Сахарова «Дипломатия Святослава».

В романе приведены подлинные исторические свидетельства, — письма-послания князя Святослава и императора Иоанна Цимисхия друг к другу накануне Болгарской войны



970 года, надпись митрополита Милитинского Иоанна на гробнице Никифора Фоки, надпись на Добруджанском камне, предположительно оставленная князем Игорем в Болгарии в 943 году, которая считается памятником древнейшей кириллической (русской) письменности.

Традиция использовать древние летописи, порой изменяя их и дополняя новыми сведениями, известна с незапамятных времён. Тот же Лев Диакон пользовался историческими трудами прошлого, испытав влияние, например, Агафия Миринейского, но, подобно другим византийским авторам, пересмысливая античность в духе христианства и превнося в неё цитаты из Ветхого и Нового Заветов.

Поэтому сцена встречи князя Святослава и императора Цимисхия описана им в привычных византийских традициях возвеличивания императора: на коне, в золотых доспехах, в окружении блистающей свиты, он снисходит к просьбе предводителя варваров, который, отличаясь от прочих только чистой рубахи, сидит в лодке, к тому же сам гребёт вёслами.

Наша версия встречи иная, основанная на других источниках, а также принципах обеспечения безопасности князя в подобных условиях, учитывая особенности характера такой личности, как Иоанн Цимисхий.

Мы прослеживаем короткую, но яркую, как вспышка перуновой молнии, жизнь князя с его отрочества до гибели. Гибели загадочной и неоднозначной, впрочем, как и его предшественников — Игоря и Олега Вещего. Неизвестно ни само место трагедии, ни его непосредственные организаторы. Странна и зимовка дружины князя в Белобережье, где они страдали от голода и «платили по полгривны серебром за конскую голову». Неужели дружина Святослава не могла, подобно Свенельду, уйти в Киев через степи либо, чего проще, вернуться на свою морскую базу в Керчи? К слову, ни Лев Диакон, ни иные историки не говорят о зимовке Святослава в Белобережье. Эту версию излагает только ПВЛ.

Однако известен иной факт — смерть некоего предводителя руссов в Бердаа в 944 году, когда русы полгода (или целый год) были окружены в крепости и страдали от болезней и голода. Именно там, будучи в полной изоляции, они «платили по полгривны серебром за конскую голову».



Не мудрствуя лукаво, монахи-переписчики перенесли данное событие во времена Святослава. Подобным же образом факты крещения Руси Аскольдом при патриархе Фотии и византийском императоре Василии Македоняnine были перенесены во времена князя Владимира (спустя сто лет!), даже без изменения имён патриарха и императора, что породило неразрешимую загадку среди современных историков и исследователей.

Русские летописи сравнивают Святослава с «пардусом», то есть гепардом, самым быстрым сухопутным хищником. Именно таковы были стремительные и чаще всего неотвратимые атаки железного Святославова воинства, спаянного отменной выучкой, слаженностью действий, отвагой и преданностью родной земле.

Противники, те же византийцы, именовали Святослава «воскресшим Ахиллом».

Наиболее ёмкая характеристика, на наш взгляд, дана Б.А. Рыбаковым в его книге «Рождение Руси»: «Подводя итоги короткому, но блистательному княжению Святослава, мы видим, что он вовсе не был «безрассудным авантюристом», бродившим где попало по степям. Его волжско-хазарский поход был жизненно важен для молодого государства Руси, а его действия на Дунае и за Балканами были проявлением дружбы и солидарности с народом Болгарии, которому Святослав помогал отстаивать и свою столицу, и своего Царя, и политическую самостоятельность от посягательств Византии. Поражение Святослава было концом суверенной Болгарии, возродившейся только два столетия спустя.

По отношению к Руси вся стремительная деятельность Святослава не только не была невниманием к её интересам или неосознанным стремлением «охабить», пренебречь ею, но, наоборот, всё было рассчитано на решение больших государственных задач, требовавших напряжения всех сил. Важнейшая задача, состоявшая в обеспечении безопасности со стороны Хазарского каганата, была решена вполне успешно. Вторая задача — создание мирного торгового плацдарма на западном побережье Русского моря (в содружестве с Болгарией) — выполнена не была, так как здесь Руси противостоя-

ли две значительные силы: Византия и Печенегия, раскинувшаяся по степям на «месяц конного пути».

Описываемый нами период невозможно понять и ощутить без объёмного видения, без той религиозно-философской основы, которая давала прашурам силы отстаивать свою независимость и торгово-дипломатическими путями, и в военных сражениях с многочисленными противниками.

И здесь нам посчастливилось работать с источниками больше духовного плана, многие из которых являются уникальными.

Есть такое древнее слово — «волшба», когда воедино сливаются знания и ощущения времени, когда вызванные из нави образы становятся зримыми и возникает непередаваемое чувство сопричастности, от которых пробуждается мысль и дрожит душа.

Итак, читатель, тебе выпала редкая удача стать соратником великого князя Святослава, пройти увлекательный курс славянского ведизма, ратного дела, альтернативной истории, получить некоторые сведения о вере и обычаях предков, прикоснуться к тайнам древних мистерий.

В добрый путь по тропам своей исторической и генетической памяти!

Валентин и Юлия Гнатюк

ПРЕДИСЛОВИЕ

После того как я прочитал этот роман, первая мысль, которая пришла на ум: надо бы в центре России, в Москве или в Питере, поставить достойный памятник этому верному служителю нашего Рода.

Память о Святославе сознательно уничтожалась на протяжении столетий. Дошло до того, что на известнейшем памятнике Тысячелетию России нет ни Святослава, ни Олега Вещего. Хорошо, хоть Рюрик есть. А ведь это родной дед Святослава из рода Гостомысла.

Зачем уничтожалась ранняя история Руси, мы все прекрасно понимаем. Рюрик, Олег, Игорь, Святослав — все они очень неудобные и не вписывающиеся в западную историю, в которой Руси и позже России отводилось место зависимой, не способной на самостоятельное развитие, варварской страны.

Конечно, эта книга может вызвать скандал в научной, а точнее говоря, в псевдонаучной среде. Ведь почти все древние летописи, дошедшие до наших дней, — это списки, сделанные нашими хроникёрами, в которых реальная история перевернута в угоду византийскому христианству. Валентин и Юлия Гнатюк создали в своей книге очень честный и правильный образ Святослава, как настоящего патриота и мудро правителя, объединившего славян.

Я очень советую всем прочитать эту замечательную трилогию и наконец понять, какой бедой для Руси в своё время оказался Хазарский каганат, которым фактически уже тогда правили иудеи. Бесстрашная, независимая, сильная Русь вызвала зависть и бессильную злобу у правителей наших соседей, уже прогнанных под торгашей. Многие славянские народы обязаны Святославу жизнью и свободой. Именно Олег,



Игорь и Святослав заставили Византию уважать Русь. А ведь Византия того времени — это, говоря современным языком, сверхдержава, оплот цивилизации и демократии.

История развивается по спирали. На очередном витке события повторяются. Меняются декорации, но суть остаётся та же. Нужно ли говорить о том, как важно нам сегодня иметь правильную, неотформатированную память о своих великих предках?

Юлия и Валентин Гнатюк написали несколько интереснейших книг об истории Руси. Роман-трилогия «Святослав» — прекрасное продолжение этой большой работы. Благодаря тщательному подходу к историческим фактам, образному мышлению и уважению к нашему глубокому прошлому писателям удалось буквально проникнуть в эпоху Древней Руси и пройти по следам легендарного князя. Я считаю, что это лучший исторический роман о князе Святославе.

Описание природы, живые картины быта, ратного обучения и праздников дают ощущение полного присутствия в тот исторический период и сопричастности происходящему, и эта магия не отпускает до самого конца книги.

Трилогия «Святослав. Возмужание», «Святослав. Хазария», «Святослав. Болгария» — прекрасный подарок читателю, любящему нашу историю, в которой сокрыты многие ключи и нынешнего, и грядущего!

Уверен, после прочтения вам захочется вернуться к более раннему периоду нашей истории и узнать о том, как начиналась Великая Русь при князе Рюрике. Свою версию о Рюрике и его братьях мы изложили совместно с авторами в книге «Рюрик. Полёт Сокола». Будут и другие книги о том времени. Сейчас работаем над книгой об Олеге Вещем. Необходимо восстановить память. У кого нет прошлого — нет и будущего.

Михаил Задорнов

Часть первая



РУССКИЙ ПАРДУС

Глава первая
Приход Великого Ара

Лета 6461(953), Киев.

Зима, студёная и снежная, всё не хотела уходить. И хотя слабело её холодное дыхание, ещё крепко держала в своих ледяных объятиях Непру-реку*, и повсюду на полях лежало нетронутое белое покрывало.

Но вот сквозь морозную мглу с небесного свода выглянул Хорс, разогнал тучи и направил свой золотой воз по синей сварге в неизменный путь с восхода на закат.

Жаркие огнебожьи стрелы устремились к земле, рассыпались серебряными искрами по сугробам в полях и озарили стольный град Киев, стоящий на холмах у самой реки.

Заиграли весёлые лучи Хорса на заиндеветших, остро затёсаннных брёвнах городской частокольной стены, на резных карнизах и коньках княжеского терема, заискрились в ледяных сосульках, свисающих с крыш гостевых дворов, домов темников, тысяцких и бояр, что раскинулись в самом центре, а также строений простых горожан на окраинах.

Заблестали лучи на обледенелых бородах и усах деревянных богов на Перуновой горе, скользнули по золотому кресту Ильинской церквушки, в которой служили христианские попы. Побежали-поскакали вниз, к Подолу, через крыши ру-

* Днепр (древнеславянск.).

комысленников* — медников, кузнецов, гончаров, кожевников и прочего мастерового люда, и далее — к самому берегу, через большое Ратное поле — место сбора киевской дружины.

Всё выше поднимался Хорс, сильнее раскалялись его лучи, и всё чаще стали звенеть первые капли оттепели. Вскоре потекли ручейки, а потом и бурные потоки побежали, торопясь, по киевским улицам к Непре. Белый снег стал серым и рыхлым, разбрызгиваясь жидкой кашицей под ногами.

И не выдержал незаметно подточенный вешними водами лёд на реке — раздулся и лопнул её ледяной панцирь, как скорлупа прорастающего семени. Затрещали, тяжело заворочались огромные льдины-крыжины, ломая и круша друг друга, сбиваясь в кучи, подобно неразумным овнам, мешая прибывающей воде. Непра, а вместе с ней Почайна, не вмещаясь в русле, стали выходить из берегов, заливая Подол, Зелёный Яр и Житное Торжище. Разбушевавшаяся река выбрасывала там и сям на берег вместе со льдинами и мусором живых рыбин.

Как чаще всего бывает, большая вода пришла ночью, когда уставший от дневных трудов подольский люд крепко спал.

Жена кузнеца по прозвищу Молотило, её все так и называли — Молотилиха, пробудилась от громкого собачьего визга, временами переходящего в вой. Что там стряслось? Полусонная, она осторожно, чтобы не потревожить спящих дочь и мужа, опустила босые ноги с печи, и... невольно вскрикнула, когда кто-то холодными как лёд перстами схватил её за босые ступни. Она вмиг лишилась остатка сна, но ещё не сразу уразумела, что это не кто-то, а вода. Когда же поняла, то затрясла за плечо мужа:

— Проснись, скорее, Стоян, беда! Да просыпайся, наконец, Почайна уже в хате, а тебе хоть гром греми! — Сама тут же босая, простоволосая, пробежала по обжигающе холодной воде к двери, отыскала на ощупь сапоги, накинула кожух и кинулась собирать на скорую руку, что попадет, натываясь в темноте на лавы и углы стола.

— Что стряслось, Ганна, чего мечешься? — сонно проворчал кузнец, потирая лик тяжёлой дланью. Но как только ноги его вместо соломенной подстилки оказались в ледяной воде, он сам задвигался неожиданно проворно для его высокой сутулой

* ремесленников (древнеславянск.).

фигуры. Молотило первым делом схватил с припечка несколько сушившихся там лучин, разгрёб голой рукой остатки пепла в печи, найдя несколько красноватых угольков, раздул их сильным своим дыханием и зажёл лучины. Опустил их в горшок, стоявший в глиняной миске с водой, а от одной зажёл стоявшую посреди крепкого стола плошку — её кузнец сработал из узорчатой меди тогда ещё, когда родилась дочь. Плошка была сделана так, чтобы свет падал только на одну сторону, а если надо было выйти на улицу, то и вовсе прикрывалась колпачком, что не давало огню погаснуть даже на сильном ветру.

Во дворе послышались шум, голоса, визг пса усилился, а потом разом оборвался. Раздался громкий требовательный стук в дверь. Молотилиха, схватив лучину, выскочила в сени, открыла засов. Дверь распахнулась, и в горницу ввалились возбуждённые, с детьми и узлами, мокрые по пояс соседи, жилище которых стояло чуть ниже дома кузнеца.

— Всё, брат Молотило, проспали мы половодье! У нас вода уж выше пояса в горнице, мосток через овраг снесло, а в нём бурлит и клокочет, что в водовороте каком, с детьми не пройдем! — молвил седовласый златокузнец. — Твой дом на бугре, потому принимай!

— Берите плошку и лезьте наверх, живей! — скомандовал Молотило, подхватывая одной рукой дочь с тёплого ложа, а другой узел, что успела собрать жена. Разгоняя ногами воду, все поспешили в сени, откуда крепкая, поскрипывающая под тяжестью людей с поклажей лестница вела под крышу, где испуганно кудахтали потревоженные куры. Женщины и дети первыми взобрались на горище. Кузнец бережно передал сонно протирающую глаза девочку жене, а сам бросился во двор, открыл ворота хлева и едва успел поймать выплывающего оттуда поросёнка. Схватил перепуганную животину попарно за передние и задние ноги, легко взвалил на шею и понёс в сени, ловко поднявшись по лестнице, бросил на солому.

— А где пёс, неужто унесло беднягу?

— Здесь он, у дыма обсыхает, — ответил кто-то из внуков златокузнеца. — Мы его с цепи отпустили, как только к вам зашли.

Молотило помешкал мгновение и соскочил с лестницы в ледяную воду.